

Роман Т. Манна «Доктор Фаустус» в советском литературоведении: проблема жанровой дефиниции

Е. Ю. ПУЗЫРНИКОВА

(ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматриваются основные подходы советского литературоведения к проблеме жанровой дефиниции романа Т. Манна «Доктор Фаустус». Анализ концепций «интеллектуального» и «философского» романа позволяет сделать вывод о вторичности проблем поэтики «Доктора Фаустуса» в советском литературоведении по сравнению с определением его идеологической значимости. Жанровая характеристика в условиях духовной несвободы подчиняется требованиям социального заказа, что ведет к специфике интерпретации, определяемой культурной моделью советского мира.

Ключевые слова: интеллектуальный роман, роман, советское литературоведение, тезаурус, философский роман.

Th. Mann's Novel «Doctor Faustus» in the Soviet Literary Studies: the Problem of Genre Definition

E. YU. PUZYRNIKOVA

(ORENBURG STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

Abstract: In the article the basic approaches of the Soviet literary studies to the genre definition of Th. Mann's novel «Doctor Faustus» is being considered. Analysis of conceptions of intellectual and philosophic novel shows that problems of poetics in «Doctor Faustus» are secondary in the Soviet literary studies in comparison with determination of its ideological importance. Genre characteristic under conditions of spiritual captivity complies with demands of social mandate. It leads to the specific character of interpretation, dependent on the principles of the cultural model of the Soviet world.

Keywords: intellectual novel, novel, Soviet literature studying, thesaurus, philosophic novel.

Роман Т. Манна «Доктор Фаустус» (1947) с полным правом можно назвать одним из сложнейших явлений не только в художественном мире самого писателя, но и во всей европейской литературе XX в. Он стал фактом советской культуры в 1959 г.¹ и сразу же занял центральное место в отечественном манноведении. Доказательством этого является в первую очередь количественный анализ критического материала: более половины всего написанного о творчестве знакового немецкого писателя в советском литературоведении после 40-х годов XX в. посвящено именно этому «итоговому роману». Чем объясняется такой перевес? При ответе на этот вопрос наиболее продуктивным является

ся тезаурусный подход к изучению культуры и литературы², который, касаясь не только собственно литературоведческих проблем, но и учитывая историко-культурную ситуацию и культурологическое состояние эпохи, вполне применим и к исследованию путей критического освоения персональной модели писателя (термин Вал. и Вл. Луковых), в частности Т. Манна.

В основе тезаурологии лежит принцип бинарной оппозиции «свое — чужое», в котором свое «выступает заместителем *общего*», а «реальное *общее*, встраиваясь в *свое*», занимает «в структуре тезауруса место *частного*» (Луков, 2003: 15). Это позволяет объяснить значимый субъектно, опосредо-

* Пузырникова Евгения Юрьевна — старший преподаватель кафедры мировой литературы филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета, аспирант. Тел.: (3532) 77-10-73. Эл. адрес: egeniii@mail.ru.

ванный критикой как активным компонентом культурного тезауруса советской действительности выбор «итогового романа» Т. Манна в качестве главного явления манноведения второй половины XX в.

Для советского манноведения второй половины XX в. как особого критического тезауруса, исследующего роман «Доктор Фаустус», главной задачей было сделать *чужое* (роман о немецкой жизни, кризисе европейского искусства и т. д.) *своим*: «Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим)» (Луков, 2003: 15). Но использование кодов исторической модели советского мира определило *агрессивный* (выделено мной. — Е. П.) характер рецепции манновского творчества и его романа «Доктор Фаустус»: *свое*, определяемое в советский период курсом на идеологизацию литературы, стремилось не просто интериоризировать чужое, а как бы изменить его (пусть и задним числом), привести к требуемому *своим* знаменателю³. Таким знаменателем было «конструирование» (часто насильственное) положительной по отношению к современной советской действительности (и отрицательной по отношению к действительности капиталистической) идейной позиции, выраженной в художественном творчестве Т. Манна. Это в конечном счете и определило Т. Манну место реалистического писателя в идеологической иерархии «враг — попутчик — друг»⁴. Рецепция романа «Доктор Фаустус» советским литературоведением специфична: она отразила процессы, происходившие в это время в политике и как следствие — в искусстве. Политический курс СССР, взятый после смерти И. В. Сталина, — хрущевская «оттепель» с ее развенчанием «культ личности» вождя — предопределил изменения в сфере науки о литературе. Социологический метод (20–30-е годы), явившийся закономерным следствием принципа идеологизации литературы и выродившийся к 40-м годам в вульгарный социологизм, сменяется историко-генетическим и, чуть поз-

же, типологическим. Естественно, что вхождение «Доктора Фаустуса» в советский культурный тезаурус в период хрущевской «оттепели» позволило исследователям не только сконцентрироваться на проблемах его идеологической значимости (как это было с произведениями Т. Манна, которые стали известны советским читателям в первой половине XX в.), но и наметить подступы к разработке некоторых аспектов поэтики его творчества. Среди исследований техники монтажа, принципа иронии и пародии, языковой специфики романа особое место занимает проблема жанровой дефиниции.

В процессе определения жанра «Доктора Фаустуса» советские исследователи в общей своей массе оперируют термином «роман». Его использование отечественными манноведами второй половины XX в. априорно: оно опирается на высказывания самого автора о жанровой природе произведения⁵. Жанровая характеристика «Доктора Фаустуса» выступает не как полноценный объект литературоведческого анализа, а как средство для доказательства принадлежности романа к реалистическому методу.

Вместе с тем советское манноведение ощущает явную недостаточность в области исследования жанра «Доктора Фаустуса». Работы всех без исключения ученых насыщены метафорическими определениями произведения: «итоговый роман», «роман конца», «роман об эпохе», «эпохальный роман» и т. д.⁶ С другой стороны, попытки уточнить видовые характеристики романа приводят к размышлениям о его «философичности», «символичности» и «символическе», «мифологизме», «метафизичности», «анализме». Не являются терминологическими и такие определения жанра, как «роман испытания и личной ответственности» (Эльсберг, 1967: 30), «сращение трансформированного старинного жанра с формой европейского реалистического социального и психологического романа XIX века» (Протасова, 1975: 33), «художественный трактат, посвященный социальной патологии эпохи» (Вильмонт, 1957: 223), «роман-симфония»

(Голик, 1964: 108), «роман-исследование» (Дмитриева, 1966: 14), «роман-трагедия» (Кургинян, 1975: 3).

Тем не менее попытки создать теории, способные свести жанрово-видовое своеобразие данного романа немецкого писателя к целостному единству, в советском литературоведении были. К ним можно отнести концепцию «интеллектуального» (В. Днепров) и «философского» (Л. Ершов) романа⁷. Концепция «интеллектуального романа», ярче всего проявившаяся в цикле статей о Т. Манне⁸ известного исследователя европейской литературы В. Днепров и позднее составившая (с некоторыми дополнениями) раздел его книги «Черты романа XX века» (1965), синтезирует и логически обобщает под термином «интеллектуальность» все находки предыдущего развития манноведения. Заимствуя понятие «интеллектуализм», впервые введенное в широкий обиход К. Фединым⁹ по отношению к творчеству Т. Манна, у самого немецкого писателя¹⁰, исследователь связывает его с «особым типом рассуждающего повествования», в основе которого «понятие как бы прирастает к образу, обогащая его новыми чертами... образ пронизывается многообразнейшими отношениями авторской мысли и приобретает понятийный ореол», в результате чего его искусство становится «мышлением в образах» (Днепров, 1960: 147–148).

По мысли Днепров, особенности «искусства-мышления» вытекают из специфики выбранного писателем предмета исследования: «...не боясь истощить терпение читателя, Т. Манн вводит в свои романы подробнейшие изложения взглядов современной науки, растягивая эти научно-лирические отступления на десятки страниц и уснащая их красками специализированной терминологии...» (Днепров, 1960: 143–144). Научность, ставшая имманентным свойством художественного мира романов Манна, неизбежно приводит к особому анализу, следствием которого и является новаторство в области романного жанра — «интеллектуальный роман», образующийся благодаря

«своеобразному синтезу философского романа, романа идеологического формирования героя, характерного для XVIII века, с достижениями социально-психологического романа века XIX» (Днепров, 1960: 149).

Интересно, что теория В. Днепров, полностью выдержанная в духе персональной (идеологизированной) модели советской науки о литературе, стала предметом напряженной полемики со стороны одного из представителей так называемой старой школы манноведения В. Щербины (Щербина, 1961: 223) и получила упрек в том, что В. Днепров «недооценил опасности отвлеченного интеллектуализма»¹¹. Наиболее стройной, доказательной и терминологически корректной, на наш взгляд, является концепция «философского» романа в творчестве Т. Манна, раскрытая в статье специалиста по русской литературе XX в. Л. Ф. Ершова «Леонов и западноевропейский философский роман XX века»¹². Исследование разворачивается в духе развивающегося во второй половине XX в. типологического метода: на фоне установления сходства «Доктора Фаустуса» Т. Манна и романов Л. Леонова реализуется концепция превосходства термина «философский» роман над определением романа как «интеллектуального»: «Истинно философские романы — это прежде всего книги итогов, и потому-то они на целый порядок... выше так называемых интеллектуальных романов» (Ершов, 1969: 265). Сама постановка проблемы определяется отсутствием терминологической ясности в определении жанрово-видовой характеристики целой группы романов в литературе XX столетия: «Научный роман, перспективный роман, роман-трактат, роман-концепция, наконец, интеллектуальный роман... Возникновение всех этих терминов приходится на XX столетие, видимо, не случайно» (Ершов, 1969: 261). Автор полемизирует с этой терминологической «разногласицей»: «Порой исследователей смущает то обстоятельство, что как в интеллектуальном, так и в философском романе в проблематике, в принципах композиции... внеш-

не много общего. ...Не по этой ли причине раздел о Веркоре книги Е. Евниной «Современный французский роман 1940–1960» озаглавлен: «Философский роман Веркора». А в это же время в работах В. Днепров (книга «Черты романа XX века») философские романы Томаса Манна называются не иначе как «интеллектуальные» (Ершов, 1969: 265). Среди признаков философского романа: научности, энциклопедичности, аналитизма, интеллектуальности — ученый в качестве главных называет «универсализм решения проблем» эпохи, «воссоздание синтетического образа времени», пропущенного «через призму неповторимых, подчас исключительных человеческих характеров», и «итоговость характеров» (Леонов, 1969: 266, 272). Эти особенности, отличающие «философский» роман от «интеллектуального», приводят к универсальному синтезу признания субъективизма личности и интереса «к национальным чертам личности» (Леонов, 1969: 272).

Таким образом, анализ исследований советских ученых, посвященных проблеме жанра романа Т. Манна «Доктор Фаустус», позволил установить существование общей «персональной» (советской) модели жанрово-видовой номинации произведения, выполняющей функции идеологического контроля. Наименьшее внимание к проблемам жанра «Доктора Фаустуса» в советском манноведении объясняется принципом идеологизации отечественной науки о литературе: рассмотренная с этой позиции категория жанра «Доктора Фаустуса» оказывалась способной свидетельствовать против советской трактовки романа. Даже такая нейтральная характеристика, как жанр, призванная стать органичной частью общей концепции романа, должна была подчиниться в условиях духовной несвободы требованиям социального заказа — т. е. стать идеологизированной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. первую публикацию романа: Манн, Т. (1959).

² См.: Луковы, Вал. и Вл. (2003).

³ Эта задача актуальна для всей отечественной науки о литературе. На начальных этапах своего существования советское манноведение пользовалось для ее реализации социологическим методом, быстро выродившимся в вульгарный.

⁴ Зачисление Т. Манна в разряд «друзей», явно сочувствующих социализму, произошло еще в 40-е годы, когда в советском литературоведении (в работах Е. Лундберга, В. Асмуса, Н. Н. Вильмонта и др.) сложилась официальная концепция «Будденброков» как романа об общей социальной деградации немецкого бюргерства, гибельности империалистического мира, тлетворном влиянии декаданса и т. д.

⁵ Рассуждения Т. Манна о жанре «Доктора Фаустуса» имеются в его письмах, дневниках, эссе. Так, в письме А. Мейер от 11.10.1944 г., оценивая многочисленные рецензии на «Доктора Фаустуса», он пишет: «Меня... злила полная глухота рецензий... к этой книге как романа, прелестям, которых и Вы не можете отрицать». См.: Манн, Т. Письма (1975).

⁶ Метафоричность как способ уточнения жанрово-видовой характеристики «Доктора Фаустуса», определения его романной специфики также опирается на авторский комментарий: «роман о времени» — в письме французской германистке Женевьеве Бьянки от 27.06.1951 г. См.: Манн, Т. Письма (1975); «роман об эпохе» — в «Романе одного романа» // Манн, Т. Собр. соч. (1960).

⁷ К сожалению, теория М. М. Бахтина о карнавальной амбивалентности и смеховом начале всего творчества Т. Манна, и романа «Доктор Фаустус» в частности, не получила должного развития. См.: Бахтин, М. М. (1963). Она частично отразилась в книге В. Г. Адмони, Т. И. Сильман (1960), посвященной «Признаниям авантюриста Феликса Круля». Мифологическая концепция романов Т. Манна, впервые высказанная Ст. Лемом в его статье «О моделировании действительности в творчестве Томаса Манна» (1970), отразилась в работе Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа» (1976), но касается она «Волшебной горы» и не может быть распространена на роман «Доктор Фаустус». Рас-

суждения А. А. Федорова о мифологизме «Доктора Фаустуса» и о мифе в целом в его книге «Томас Манн. Время шедевров» (1981) не выдерживают критики.

⁸ См.: Днепров, В. (1960: 143–166); Днепров, В. (1960: 98–123).

⁹ См.: Федин, К. (1955).

¹⁰ См.: Манн, Т. Письма (1975). Письма: Бруно Вальтеру от 1.03.45. С. 178; Оскару Шмитцу-Халину от 7.01.48. С. 239.

¹¹ На защиту концепции В. Днепрора встали Т. Мотылева (1956: 227–242) и Е. Книпович (1962: 189–197), которые разделили его взгляды.

¹² См.: Творчество Леонида Леонова. Исследования и сообщения. Встречи с Леоновым. Библиография. (1969: 260–280).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адмони, В. Г., Сильман, Т. И. (1960) Томас Манн / В. Г. Адмони, Т. И. Сильман // М. Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Достоевский // М. : Сов. писатель.

Вильмонт, Н. Н. (1957) Трагедия композитора Адриана Леверкюна («Доктор Фаустус») // Иностранная литература. № 4.

Голик, И. Е. (1964) Особенности реализма Томаса Манна («Доктор Фаустус») // Вопросы современной зарубежной литературы и эстетики. М. С. 88–132.

Дмитиева, Н. (1966) Томас Манн о кризисе буржуазной культуры (По материалам романа «Доктор Фаустус») // Советская музыка. № 5.

Днепров, В. (1960) «Интеллектуальный» роман Томаса Манна // Вопросы литературы. № 2.

Днепров, В. (1960) Поворот в мировоззрении Томаса Манна // Вопросы литературы. № 8.

Книпович, Е. (1962) Чувство истории. Томас Манн в советской критике // Иностранная литература. № 3.

Кургинян, М. (1975) Романы Томаса Манна. Форма и метод. М. : Худож. лит-ра.

Лем, Ст. (1970) О моделировании действительности в творчестве Томаса Манна // Новый мир. № 6.

Луков, В. А. (2000) История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия».

Луковы, Вал. и Вл. (2003) Концепция курса «Мировая культура»: тезаурусологический подход // Педагогическое образование. № 5.

Манн, Т. (1959) Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом : роман / пер. с нем. С. Апта и Н. Ман; под ред. и с предисл. Н. Н. Вильмонта. М. : Изд-во иностр. лит-ры.

Манн, Т. (1975) Письма : сост. С. К. Апт. М. : Наука.

Манн, Т. (1960) Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. М. : Худож. лит-ра.

Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. Мотылева, Т. (1956) Над страницами Томаса Манна // Новый мир. № 2.

Протасова, К. (1975) Роман Т. Манна «Доктор Фаустус» и традиции Достоевского. (Проблемы структуры и жанра) // Филологические науки. № 5.

Творчество Леонида Леонова. Исследования и сообщения. Встречи с Леоновым. Библиография / под ред. В. А. Ковалева. Л. : Наука. АН СССР, Ин-т рус. лит-ры., 1969.

Федин, К. (1955) Томас Манн (К 80-летию со дня рождения) // Иностранная литература. № 1.

Федоров, А. А. (1981) Томас Манн. Время шедевров. М.

Щербина, В. (1967) Интеллектуальность или отвлеченность? // Новый мир. № 11.

Эльсберг, Я. Е. (1961) Новые явления в критическом реализме середины XX века. (Роман испытания и личной ответственности) // Критический реализм XX века и модернизм. М. : Наука.